

ТРЕВОЖНЫЙ НЭП: ПОПУТЧИКИ И АГИТАТОРЫ РЕВОЛЮЦИИ

Кравченко А.И.

Введение. В советской и постсоветской историографии период НЭПа получил, кажется, всестороннее и во многом противоречивое освещение [10; 12; 14; 21]. Одни авторы рассматривали переход от военного коммунизма к нэпмановскому (мелкобуржуазному) капитализму как явный провал большевистской политики, другие считали ее показателем гибкости новой власти, умением считаться с реальными обстоятельствами и способностью выигрывать дело в любых, пусть самых неблагоприятных жизненных обстоятельствах [3-5; 8-9; 11; 13; 17-19]. Самого пристального внимания, о чем отчасти свидетельствует приведенная ниже библиография, удостоились политические, социальные, культурные и экономические аспекты НЭПа. Определенный пробел, по мнению автора, образовался в области социальной антропологии, описывающей повседневную жизнь людей того периода во всем многообразии ее противоречий, отступлений и преступлений. Попробуем в какой-то мере заполнить этот вакуум.

Чем актуален сегодня НЭП? Может быть, тем, что он снова с нами. 1990-е годы безумного разгула мелкобуржуазной стихии и «новых русских» сменились периодом первоначального накопления (а некоторые считают, что и ограбления) капитализма, затем наступил период «закручивания гаек», стабилизации и роста экономики, укрепления политических основ российского государства, ренессанс военно-промышленного комплекса, улучшение социально-психологического климата в стране. Однако нэпмановские типажи среди неустойчивой

городской прослойки, – нэпманы 2.0 – соседствуют с нами и сегодня. Так пусть они посмотрят на своих исторических предков.

Историкам еще предстоит выяснить, сколько явных и скрытых уступок субъективным условиям (той «мелкобуржуазной стихии», о которой говорил Ленин, характеризуя крестьянство, еще только становившегося на путь товарного производства) пришлось сделать Ленину, Бухарину, Сталину, Дзержинскому и другим деятелям партии, строившим на идеях Маркса русский вариант социализма. Иными словами, сколько в теории и на практике пришлось совершать того, что отвечало не целям, выдвинутым в свое время Марксом и Энгельсом и получившим всестороннее научное обоснование, а самым примитивным, но глубоко жизненным стереотипам массового сознания. Стереотипам, которые отражали чаяния и убеждения социальных низов России. Именно низов, а не интеллигенции. Ведь революция и совершалась ради них.

Для социолога, изучающего социальную историю общества через движение социальных групп, классов и слоев, практика отображается в расстановке движущих сил на каждый момент времени. Уточнить детали, значит, для него выяснить формы массового сознания и поведения, которые в будущем способны вызвать нарушения объективных закономерностей, изучить их в самом зародыше, когда кроющаяся в них социальная энергия готова только еще выплеснуться наружу. Изучить прежде всего коллективные формы поведения, коллективное сознание, которые, выбившись из привычного, веками накатанного русла, – а так всегда происходит в периоды социальных революций, – готовы проявить себя совершенно непредсказуемым образом. Именно коллективное, а не индивидуальное в переломные моменты становится детонатором истории.

Революционные массы, только что победоносно завершившие свержение ненавистной им власти капитала, готовы были принять скорее уравниательные идеи "военного коммунизма", чем товарно-денежные реалии новой экономической политики, экономического и социального неравенства. К этим реалиям еще предстояло приблизиться и через трудные годы уравнительного коммунизма, через принудительный труд и карточное распределение, экономические кризисы и нетерпимость продрозверстки.

Переход к НЭПу был вынужденной, хотя с исторической точки зрения вполне логичной мерой. Для такого перехода созрели экономические и политические предпосылки, но не социально-психологические. Средняцкие массы крестьянства с воодушевлением приняли замену продрозверстки продналогом. Но это был еще не НЭП. Точнее, только одна его сторона. Ведь одновременно с этим возрождались буржуазные слои городского и сельского населения, разбухал бюрократический аппарат, резко дифференцировался доступ к социальным благам, восстанавливалось неравенство в распределении материальных ценностей. Именно против этого массы боролись в ходе социалистической революции. И вот теперь все это возвращалось. Многие почувствовали себя разочарованными, обманутыми. В первую очередь это относится к демобилизованным фронтовикам, вдовам и сиротам, бедняцким массам в деревне, деклассированным слоям пролетариата [1]. Недовольство этих слоев представляло ту самую пороховую бочку, на которой могла подрваться мирная политика НЭПа.

Удачнее других раскрыл мироощущения тех, кто считал себя обделенным советской властью, Артем Веселый (псевдоним писателя Н.И. Кочкурова). Путешествуя по Каме и Волге, сибирским рекам и Кубани,

он собрал бесценный исторический материал: письма и записи интервью с участниками гражданской войны, архивные материалы и официальные документы. Обобщив большой массив данных, А. Веселый в художественной форме провел по существу социологический анализ нэповской России. Работая над рукописью, писатель «зимой 1926 года в труднейших условиях повторил путь, проделанный отступавшей XI армией через астраханские пески; он знакомился с архивными документами в крайистпартах, беседовал со многими участниками мировой и гражданской войны» [1, С. 136]. Писатель вскрыл такие пласты социальной жизни в послереволюционной России, какие до него никто не поднимал. Ему удалось раскрыть социальную дифференциацию населения, но не по экономическому критерию, а в зависимости от того, воевали люди на передовой или отсиживались в тылу. Разный жизненный опыт и разное мировоззрение, разные ценности и модели поведения. Поскольку на воевавших и отсиживающихся разделилась вся страна, А. Веселый описывал по сути поведение и отношения больших социальных групп.

Рассказы о гражданской войне ее реальных участников, об их судьбах, порой весьма драматичных, А. Веселый воплотил в виде писем из станицы, составивших основу произведения «Босая правда». В одном из черновых вариантов такого письма бывший красный партизан говорит, что в мирное время забыли их героические дела, как они «голыми шашками прорубались через всю Украину... После демобилизации в 21 г. красные орлы вернулись в свои станицы, хутора и села и что же здесь нашли? Дома нет. Хозяйства разграблены и уничтожены. Жены в кабале у кулаков. Дети – сироты беспризорные. Вернувшиеся калеки и больные вынуждены были надеть на плечи вместо винтовки латаную торбу. Мы

обижены нашей жизнью... Нам нигде нет места. Неужели мы не заслужили кусок хлеба?» [1, С. 152].

В гражданской войне один класс идет войной против другого, один социальный слой уничтожает другой. В этой социальной борьбе выковывался особый коллективизм и взаимовыручка класса угнетенных масс – фронтовиков. На фронте выковывались особые моральные принципы боевой выручки, окопного равенства, голодной пайковой справедливости, преувеличенной возможности навести порядок сейчас и немедленно, если у тебя оружие. Такая система ценностей, сформировавшаяся в военное время, была перенесена затем совершенно в другой мир, мир послевоенный. В этом-то заключались истоки будущей трагедии [6, С. 1044]. Мир России разделился на две части – тех, кто делал революцию, рискуя собственной жизнью и проливая свою кровь за ее идеалы, и тех, кто был по существу ее попутчиком, отсиживался в тылу, верил совсем в иные идеалы (если вообще верил во что-то), мародерствовал, прибирал к рукам чужое добро, занимал освобожденные должности, строился и расширялся.

Гражданская война закончилась, солдаты вернулись с фронта, и два мира сошлись в непримиримой войне. Еще одной, невидимой и публично не обсуждаемой. Искалеченные фронтовики увидели в тылу отъевшихся «запасников», которые за четыре года что называется «наели харю», заняли теплые места в органах управления, записав себя в ряды советских партслужащих. На развалинах старой, имперской, бюрократии произрастала новая, большевистская чиновная каста. Ее ряды пополняли не передовые рабочие и надевшие солдатские шинели крестьяне, а маргиналы – мелкая и часто очень жалкого вида прослойка откосивших от армии удачников судьбы.

Они выступали представителями советской власти, с ними столкнулись вершившиеся с фронта красноармейцы. Столкнулись и опешили: «Голоса наши когда-то гремели на кровавых полях, а нонче они робко звучат в стенах канцелярий. Много погибло наших дорогих товарищей, но о них и помину нет местной властью. Нас, защитников и завоевателей, восхваляют и призывают только по большим праздникам..., во время проведения какой-нибудь кампании, а потом опять отсовывают в темный угол. Закомиссарились прохвосты, опьянели властью. Ежели таковые и впредь останутся у руля, то наша республика еще сто лет будет лечить раны и не залечит», – пишут красные партизаны своему бывшему командиру [1, С. 160].

Послевоенный мир обернулся для фронтовиков не праздничным столом, за который они приглашены как самые дорогие гости. Этот мир обернулся голодом и разрухой, которую они сами же и создавали, обернулся той же самой канцелярской волокитой и показухой, которая была и прежде, против которой они вышли на бой, но одолеть которую они так и не смогли и которая теперь вот одолевает их самих. Вожделенной справедливости и равенства нет, впору снова начинать кровавую бойню за восстановление помянутых идеалов и ожиданий. Напомним, что это был самый расцвет эпохи НЭПа, того самого, о котором фронтовики в произведениях А. Веселого скажут: «Защитники в земле, инвалиды на земле, а главки, наверху, на основе нэпа давят нас» [1, С. 153]. И бойня не замедлила себя ждать – сначала поголовное уничтожение миллионов середняков и зажиточных крестьян начала 1930-х, которых зачислили в кулаков и мироедов, а затем практически такое же поголовное, хотя и меньшее по численности, истребление интеллигенции конца 1930-х. Возвращение к «военному коммунизму» и уравнительной

справедливости, возможно, было спровоцировано недовольными «низами». Оно совершалось «верхами» как бы от их имени и ради защиты их прав. Однако «сталинский коммунизм», т.е. коммунизм наоборот, лишь удачно спекулировал на настроении широких масс. Конечный итог – укрепление диктатуры той самой бюрократии, против которой возмущались несправедливо обиженные фронтовики. Естественно, что основным средством выступали принуждение и произвол [6, С. 1045].

НЭП породил невиданный доселе тип «русского делового человека», скорее отталкивающий, чем притягивающий к себе. Порода многочисленная и по-своему агрессивная. Вячеслав Полонский, видный литературный критик тех лет, называет их «мещанами от революции». Колбасники, ставших в либеральную эпоху НЭПа коммунистами, и коммунисты, герои гражданских фронтов, переквалифицировавшиеся в мелких лавочников. Бюрократы, захватившие теплые местечки тех, кто проливал кровь на передовой, и бывшие красные партизаны, растерявшиеся в суеде мирных будней, вместе с общим потоком устремившиеся к командирским кабинетам. Везде – под боком, спереди, сзади, в щелях, переулках, закоулках – пристраиваются "попутчики революции": мещане, проникшие в партию, карьеристы, заполнившие комсомол, горлопаны, ставшие агитаторами, лавочники и мясники, усвоившие революционные лозунги, но не уверовавшие в них [6, С. 1051]. Их стиль, пишет В. Полонский, это «штампованные образцы, протоптанные пути, захватанные словечки, робость мысли, сентиментальность... громкие фразы – вместо больших дел... наимоднейших лозунги, популярнейших темы, сенсационные сюжеты...» [16, С. 306].

«Попутчики революции» в годы НЭПа вполне закономерно превратились в «апологетов мещанского социализма», образовав те социальные дрожжи, которые послужили закваской для теории мещанского социализма 1920-х годов. Зарубежные социологи вовсе не искажали социализм, когда представляли его наподобие огромного инкубатора, где наряду с механизацией хлебовыпечки механизировано и деторождение. В представлениях о «механизированном» социализме отражались убеждения апологетов экономического благополучия и коммунистического рая. И не случайно, что эти представления совпадали, если не в деталях, то, по сути, с теми представлениями о светлом будущем, которых согревали мечты вчерашних батраков, крестьянской и городской голытьбы, объединившихся в окопах гражданской войны. Коммунистический рай воображался им как общество, свободное от всякого труда и заботы, общество, все дающее им и ничего взамен не требующее. С подобными представлениями резко расходился ленинский план НЭПа как пространства товарно-денежных отношений, крепкого хозяина-мужика, расторопного мелкого предпринимателя, работающего пролетария. Новая эпоха требовала иной психологии, к которой многие оказались не готовы. И эти многие не приняли «буржуазный» НЭП. Подобное неприятие прекрасно выразил Б. Пильняк: «Нэп есть будни, нэп победил романтику пролетария, оставив ее ласточкой – миру. Кто из двух сил – коммунист или обыватель - возьмет нэп?». Однозначного ответа история так и не дала. Поэтому не продуктивно обелять эпоху НЭПа, противопоставляя ее мрачным будням сталинизма.

НЭП не был одноцветным, он был многоцветным и разноцветным. В этом его жизненная сила как преддверия демократического социализма. Ведь что такое НЭП с точки зрения бытовой, повседневной реальности?

Нэпманы – «новая буржуазия» – мало что общего имели со старой, дореволюционной буржуазией. Крупные предприниматели и русское купечество вынуждены были эмигрировать либо погибли в жерле гражданской войны. Временное допущение частной собственности, рынка и капитализма открыло социальные лифты для так называемых нуворишей – выскочек с криминальным прошлым или неизвестного социального происхождения. Фронтвики называли их «фронтowymi крысами» (данный лейбл еще раз появится в годы Великой отечественной войны). Их быт, нравы, образ жизни и манеры поведения в СМИ тех лет и повседневном дискурсе окрашивались в негативно-критические и карикатурные черты. «Новых русских» эпохи НЭПа изображали как жирных и жадных эксплуататоров. «Весь "цвет" ленинградских нэпманов собирался по вечерам в Саду отдыха. По аллеям с важным видом в сопровождении разодетых, раскормленных, на диво выхоленных жен ходили сахарные, шоколадные и мануфактурные "короли"» [20, С. 30].

С точки зрения социологии, нэпманы являли собой самых настоящих маргиналов, поскольку не имели укорененности ни в старой элите общества, ни в новой, большевистской, верхушке общества, хотя претендовали именно на такое, верхушечное, положение. Пусть в политическую элиту нового общества им был категорически закрыт – нэпманы считались врагами советской власти. Оставался другой вариант укоренения – в старой привилегированной прослойке. Как такое можно сделать? Разыскать оставшихся «бывших» и вступить с ними в брачный союз. Вот почему «ленинградские нэпманы охотно женились на невестах с княжескими и графскими титулами и в своем образе жизни и манерах всячески подражали старому петербургскому "свету"» [20, С. 158]. Когда срастание со старой верхушкой не получалось, нэпманы пытались

интегрироваться в новую верхушку. Партия с тревогой наблюдала опасность сближения между нэпманами и новоиспеченной советской элитой.

В среде советской молодежи, пополнявшейся в основном за счет беднейшей части населения, в 1920-е годы наблюдалось стремление к зажиточному образу жизни, которого они никогда прежде не имели. В среде революционного авангарда отмечалось «разложение отдельных прослоек комсомола» («и в комсомол и в нашу партию просачиваются человеческая труха, элементы, чуждые нам социально и психологически»). В то время как в Европе распространяется фрейдизм, в Москве проходят ожесточённые дискуссии по вопросам пола и брака. Эротическая беллетристика пользуется невероятной популярностью, молодежь воспринимает ее как правду о себе, как анализ и портрет себя.

НЭП дал стране хлеб и зрелища, а властям – новую головную боль. Комсомольская прослойка, прежде всего городская и служилая, а в меньшей степени сельская, на глазах разлагалась: вечеринки, кабаки, пренебрежение общечеловеческими ценностями. НЭП, пишет В. Полонский [16], это «афинские ночи», «газовые платья», свобода половых отношений, мнимое и правдышное раскрепощение женщины - от нравственных устоев тоже. Это идеология «Яра» и теория «стакана воды», это упадничество, салоны и эротизм, развинченные интеллигенты и самодовольные мещане, гипертрофированный индивидуализм. Это торжество безнравственности и пошлости, эпоха подражания западной моде и западному образу жизни, веселье, разврат, преступность.

НЭП привел одновременно к двум процессам: становлению среднего класса деревни и новой социальной дифференциации села. В конце восстановительного периода, в 1924-1925 годах, к категории безземельных

относилось около 10% сельского населения. Крестьяне-бедняки составляли 26%, середняки – 61%, кулачество – 3-4% [2, С.155-158]. Зажиточные крестьянские хозяйства были сконцентрированы главным образом в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дону, где к концу 20-х годов кулачество составляло около 5% сельского населения и было достаточно влиятельным. Зажиточные крестьяне обычно хорошо вели хозяйство, и, таким образом, они являлись примером для середняков. Богатые крестьяне и кулаки в годы НЭПа укрепляли свои экономические позиции, часто составляя попадали в местные органы власти. Бедняки, лишенные экономической помощи и поддержки государства, не могли успешно интегрироваться в НЭП. По сравнению с 1920 годом их положение к концу 20-х годов ухудшилось: 60% сельскохозяйственных наемных рабочих в 1925-1926 гг. вообще не располагало посевными площадями, у 89% не было тяглового скота, а треть их не имела даже коров. На углубляющийся процесс дифференциации крестьянства указывало то, что в 1927-1928 годах четверть всех крестьянских дворов не располагала тягловым скотом и почти у третьей части не было инвентаря, необходимого для пахоты [2, С.157-158].

Бедняцкие слои, составлявшие 35-40% сельского населения, воспитанные Октябрьской революцией на идеях равенства, болезненно реагировали на новый этап социальной дифференциации, происходившей в деревне. После окончания гражданской войны многие семьи вернулись в село из города, это увеличивало число мелких хозяев и затрудняло процесс их экономического подъема. Показательна сводка о настроениях крестьянства, которая была направлена 5 июля 1928 г. секретарю Рославльского укома ВКП(б) Смоленской губернии местным уполномоченным ОГПУ: «За последнее время по уезду среди бедноты и середняков имеются большие недовольства на недостатку хлеба. В это

время кулаки пользуются этим моментом и зажимают бедноту в кабалу... Кулаки злостно повышают цены на хлеб, и беднота не в состоянии его купить. Тогда кулаки дают им хлеб на отработку. Беднота говорит: «Хлеб отправили за границу, а мы пропадаем от голода и попадаем в руки кулака» [2, С. 158]. Это было время так называемого зернового кризиса конца 1920-х годов и массового недовольства, которое обращалось не против богачей, спекулировавших зерном, а против Советской власти.

В конце двадцатых годов Вячеслав Полонский пишет такую картину изменяющейся современности: «Рушится быт, понятия, вкусы. От буржуазного порядка в буквальном смысле не остается камня на камне. Разламываются вековые устои жизни. Умирает религия. Рассыпается старая семья. Терпит крах старая философия. Утрачивают власть старые эстетические догмы (...) Земля встала дыбом – все переверотилось, сдвинулось со своих мест» [15, С. 161]. Новый строй потребовал нового человека, которого, как и общества, еще не было. Концепция нового человека советской эпохи основывалась на примитивно-материалистическом убеждении, что натуру человека можно относительно быстро изменить, так же как и общественный строй. В двадцатые годы общепринятым стало положение, что «читатель (новый человек) нуждается в постоянном внимании опытных наставников, что необходима жесткая система воспитания и контроля» [7, С. 13].

Но реальность была совсем иной, чем мечталось большевикам. НЭП породил невиданный доселе тип "русского делового человека", скорее отталкивающий, чем притягивающий к себе. Советская литература тех лет пыталась всячески приукрасить его облик, представляя его в романтическом ореоле: трудолюбивый, энергичный инженер или передовой рабочий, только что покончивший с омерзительным прошлым

и получивший благодаря советской власти среднее или высшее образование; человек кристально честный, беззаветно преданный идеалам коммунизма. Несомненно, существовали и такие люди, вероятно даже, их было немало. Но наряду с ними и рядом с ними быстрыми темпами формировалась иная порода людей. Порода многочисленная и по своему агрессивная. Вячеслав Полонский, видный литературный критик тех лет, называет их "мещанами от революции". Как и Артем Веселый, он дал исчерпывающий социологический анализ реальности, но не социальных низов общества, а вполне обеспеченных, ничем и никем не обиженных, в меру сытых средних городских слоев. Кто же они?

Колбасники, ставших в либеральную эпоху НЭПа коммунистами, и коммунисты, герои гражданских фронтов, переквалифицировавшиеся в мелких лавочников и колбасников. Бюрократы, захватившие теплые местечки тех, кто проливал кровь на передовой, и бывших красные партизаны, растерявшиеся в суеде мирных будней и вместе с потоком устремившихся к начальским креслам, удобным и прибыльным должностенкам. Везде – под боком, спереди, сзади, в щелях, переулках, закоулках – пристраиваются «попутчики революции»: мещане, проникшие в партию, карьеристы, заполнившие комсомол, горлопаны, ставшие агитаторами, лавочники и мясники, усвоившие революционные лозунги, но не уверовавшие в них. Их стиль, пишет В.Полонский, это «штампованные образцы, протоптанные пути, захватанные словечки, робость мысли, сентиментальность... громкие фразы – вместо больших дел... наимоднейших лозунги, популярнейших темы, сенсационные сюжеты...» [16, С. 303].

Реальности НЭПа резко контрастировали с сладкими мечтами мелких буржуа. Здесь приходилось вкалывать, торговать, бороться с

бесчисленными бюрократами, каждый день ходить на биржу труда в поисках работы. Видный футурист, представитель литературного авангарда Б. Пильняк писал: «НЭП есть будни, нэп победил романтику пролетария... Кто из двух сил – коммунист или обыватель – возьмет НЭП?»

Эта эпоха требовала мелкого хозяина, хитрого, прижимистого, грубого. И к этому многие оказались не готовы. Эти многие растерялись в новой реальности, которая не соответствовала их представлениям ни об идеальном коммунистическом обществе, ни официальной пропаганде, заявлявшей, что в советской стране нет эксплуататоров и эксплуатируемых, бедных и богатых, четных и мошенников.

Социальному растлению подвержены, кажется, все слои общества - и каждый на свой лад. Особенно устрашающей выглядит социальное разложение комсомольской молодежи: вечеринки, кабаки, пренебрежение к общечеловеческим ценностям. Эротическая беллетристика, сочинения Фрейда и его последователей, в том числе отечественных, особенно в Москве, пользуется невероятной популярностью, молодежь воспринимает ее как правду о себе, как анализ и портрет себя.

Шел колоссальный, ни с чем не сравнимый по историческим масштабам процесс переоценки ценностей, ломки сломившихся стереотипов и поиск, новых, отвечающих мирному этапу социализма, идеалов и принципов. Шел поиск утраченных в ходе революционных завоеваний коллективистских ценностей, основанных на идеях равенства и справедливости.

Мир посредственностей и мещан – это мир рассерженных и трусливых бюргеров, историческое формирование которых как социального слоя должно было произойти гораздо раньше, но в силу затянутости развития капитализма в России (а может быть, и не только

капитализма) его возникновение выпало на эпоху социализма. НЭП же послужил лишь стимулятором роста. Социального уничтожения мещанства и бюрократизма, к чему постоянно призывала партия в период форсированной индустриализации с культом идеологически препарированного аскетизма в образе жизни (кстати сказать, искусственно насаждаемого), не произошло. Административно-командная система это не конец, а апофеоз бюрократизма - мира отчужденных и подозревающих друг друга одиночек, себялюбивых карьеристов, единственная реакция на окружающую среду у них - пугливое неприятие нового, непривычного, глубокого. Инкубатор во всем унифицированных индивидов, страх перед насилием и произволом - это есть состояние механической солидарности Дюркгейма. Ее социальным носителем выступает не личность, а социальная маска, служебная роль. Бюрократ и мещанин суть такие маски.

Все они как-то слились в одно целое и составили тот тип делеги, который был готов с огромным энтузиазмом поднимать народное хозяйство, строить колбасные фабрики и возводить гигантские кухни столовые, прокладывать в пустыне железные дороги и даже создавать дворцы труда, – но только без коммунизма, отмечал В.Полонский.

Советская критика тех лет метко окрестила этот люд попутчиками революции и «апологетами мещанского социализма». Недруги социализма в те годы изображали его наподобие огромного инкубатора, где наряду с механизацией хлебовыпечки механизировано и деторождение. Самое странное заключается в том, что ироническое изображение социалистической утопии, созданной западными социологами, полностью совпадало с обыденными стереотипами и социальными ожиданиями изголодавшихся масс людей. В мечтах о светлом будущем вчерашние

батраки, крестьяне и городская голытьба, объединившаяся в новую солидарность еще в окопах гражданской войны, грезило о гигантских заводах, светлых цехах, просторных дворцах, где можно сытно поесть, весело погулять и где не надо трудиться. Это сделают автоматы. Еще долгие 70 лет коммунистический рай, который стране обещало правительство, особенно хрущевское, именно таким себе и представляли советские «труженики».

Список литературы.

1. «Россия, кровью умытая» Артема Веселого. По материалам личного архива писателя. Публикация подготовка текста и комментарий Заяры Веселой // Новый мир. – 1988. – № 5. – С. 135-161.
2. Белادي Л. Сталин / Л. Белادي, Т. Краус. – М.: Политиздат, 1989. – 318 с.
3. Гимпельсон Е.Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ / Е.Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С. 29-44.
4. Горинов М.М. 20-е годы: становление и развитие новой экономической политики / М.М. Горинов, С.В. Цакунов // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. – М., 1991. – С. 118-165.
5. Дегтев С.И. Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20-е гг. / С.И. Дегтев // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М., 1993. – С. 127-146.
6. Добреньков В.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 4. Общество: статика и динамика / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 1107 с.
7. Елина Е.Т. Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов / Е.Т. Елина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 191 с.

8. Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку / Д.Х. Ибрагимова. – М., 1997. – 218 с.
9. Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие / А. Илларионов // Вопр. экономики. – 2000. – N 1. – С. 4-26.
10. Камышин В.Д. Историография новой экономической политики / В.Д. Камышин // Тезисы докладов второй республиканской научной конференции «История Советской России: Новые идеи. Суждения». – Тюмень, 1993. – Ч. III. – С. 48-50.
11. Козырев Г. НЭП: как это было / Г. Козырев // Деловая жизнь. – 1996. – № 9. – С. 12 - 14.
12. Кулагин Г.А. О некоторых проблемах нэпа в новейшей отечественной историографии / Г.А. Кулагин // Актуальные проблемы отечественной истории. – Воронеж, 1995. – С. 94-99.
13. Нэп. Взгляд со стороны / Сост. В. В. Кудрявцев. – М.: Московский рабочий, 1991. – 304 с.
14. Орлов И.Б. Отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы / И.Б. Орлов // Отечественная история. – 1999. – №1. – С. 10-14.
15. Полонский В. Дневник журналиста / В. Полонский // Новый мир. – 1929. – № 3. – С. 157-170.
16. Полонский В. Очерки современной литературы / В. Полонский. – М.: Госиздат, 1930. – 332 с., ил.
17. Сенявский А.С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения / А.С. Сенявский // НЭП: политические, экономические, социокультурные аспекты. – М, 2006. – С. 85-93.
18. Файн Л.Е. Нэповский «эксперимент» над российской кооперацией / Л.Е. Файн // Вопросы истории. – 2001. – № 7. – С. 35-55.

19. Ханин Г.И. Почему и когда погиб НЭП / Г.И. Ханин // ЭКО. – 1989. – № 10. – С. 66-83.

20. Шейнин Л. Записки следователя / Л. Шейнин. – М.: Правда, 1986. – 480 с., ил.

21. Яхутль Ю.А. Проблемы нэпа в отечественной историографии / Ю.А. Яхутль // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – №.1. – С. 41-48.

Сведения об авторе:

***Кравченко Альберт Иванович, доктор социологических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории
социологии социологического факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
kravchenkoai@mail.ru***